

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В РАССКАЗЕ С. ЛЕМА « ЛУННАЯ НОЧЬ» И ФЕЛЬЕТОНАХ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

Поздняков К.С.

Для того, чтобы заявленная тема не показалась абсурдной или чрезвычайно надуманной, необходимо сделать ряд существенных оговорок. П. Вайль и А. Генис отмечают, что космос для советского человека 60-х годов представлялся одним из самых популярных образов¹. Несмотря на то, что покорение космоса стало возможным благодаря развитию науки и техники, в коллективном сознании всё «космическое» носило откровенно мифологический характер. Космонавты становились героями нового мифа, а космос обретал символические значения: «Для советского человека космос был ещё и символом тотального освобождения. Разоблачён Сталин, напечатан Солженицын, выпущены транзисторные приёмники, идёт разговор об инициативе и критике. Выход в космос казался логическим завершением процесса освобождения и логическим началом периода свободы. Ощущение силы и беззаветной веры в неё сказывалось во всём: в стихах, сибирских стройках, первых хоккейных успехах»². Однако эйфория со временем прошла. В этом плане показателен цикл стихов И. Холина «Космические», носящий иронический и антиутопический характер. Автор демонстрирует картину, не внушающую оптимизма. Советский человек, покорив космос, фактически превращает освоенное пространство в новый Советский Союз. Те же проблемы, те же границы, штампы и стереотипы.

Неудача

Иванов

Получил на Луне

¹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. – М.: «НЛЮ», 2001. – С. 22-26.

² Там же. – С. 25.

Дачу
Лается
На чём свет
Куда только смотрит
Московский совет
Это не ракета
А кляча
В понедельник
Попала
В магнитное поле
В среду
Увязла в космической пыли
В субботу
Опоздал на работу³

Романтика космических путешествий уступает место будничным образам. Перед нами тривиальная картина: советский индивид, спешащий попасть на работу и жалующийся на свою разбитую «колымагу», изменился только масштаб. Форма, заимствованная Холиным из научной фантастики, не выдерживает натиска советского содержания и обесценивается. Можно сказать, что человека не переделаешь, он и в космос отправляется со своим багажом, грузом проблем, связанных с бытом. Космический антураж – это всего лишь декорации, они могут быть любимы. Даже планету можно при желании превратить в советскую коммуналку.

³ Холин И. Избранное. Стихи и поэмы. – М.: «НЛО», 1999. – С. 72.

Похожее художественное решение наблюдается в рассказе С. Лема «Лунная ночь». Два главных героя, доктор Миллс и доктор Блопп, попадают в форс-мажорную ситуацию, происходит утечка кислорода. Оставшихся запасов хватит лишь на одного, и поэтому кто-то должен пожертвовать собой ради спасения другого. Текст представляет собой протокол записи диктофона, который фиксировал все звуки на лунной станции. Данный момент стоит отметить особо, поскольку персонажи фактически разыгрывают целый спектакль, понимая, что плёнка (или цифровой носитель) впоследствии может оправдать действия одного из них. Миллс и Блопп находятся под постоянным наблюдением и прекрасно понимают это. Отбросив в сторону космические декорации, герои оказываются в условиях коммуналки или реалити-шоу. За ними следят «другие», наблюдатели, каждый из которых может сделать собственный вывод о том, кто прав, а кто виноват. Самым главным страхом человека в рассказе С. Лема оказывается страх перед соседом, другим.

Подобный страх характерен и для советского коммунального субъекта. Пожалуй, наиболее ярко это чувство описали соавторы И. Ильф и Е. Петров. В этом плане показательна повесть «Светлая личность», своими антиутопическими чертами вполне сопоставимая с романом «Мы» Е. Замятина. Правда, вместо «прозрачных», стеклянных стен, через которые жители Единого Государства имели возможность следить друг за другом, появляется персонаж по прозвищу Прозрачный, невидимый чиновник местного Коммунального Хозяйства, который, якобы, может наблюдать за любым гражданином или гражданкой Пищеслава. В результате пищеславцы стараются быть лучше, чем они есть, но стараются не из благих побуждений, а из-за чувства страха перед невидимым «другим».

И для граждан Единого Государства, и для земляков Прозрачного «Другой» обретает черты ветхозаветного Бога. Это Бог, который следит за человеком и наказывает его (а иногда может наказать и целый город, и всех обитателей земного шара). Миллс и Блопп, разыгрывая спектакль перед диктофоном, думают не столько о том, чтобы выжить, сколько о том вердикте, который вынесет земной суд, тот самый карающий «Другой». При этом каждый из

них готов принести в жертву товарища, но не себя. Новозаветные заповеди, жертвенность, отринуты – для обоих астронавтов самой ценной оказывается собственная жизнь, а не спасение коллеги.

Правда, в «Лунной ночи» даётся намёк на то, что в злключениях космонавтов виноват компьютер. В новостном блоке с Земли, который прослушивают Блопп и Миллис, попадаете сюжет следующего содержания: «Этой ночью ударом электротока уничтожен новейший компьютер «Белл Телефон Корпорейшн». Согласно неподтверждённым слухам, компьютер уничтожили сотрудники фирмы, потерявшие работу после установки компьютера. Однако неофициальный представитель служащих «Белл Телефон» доктор Бакмен заявил на пресс-конференции, что этот компьютер был сам способен запрограммировать свою ликвидацию. Если дело обстоит так, то это первый в истории случай самоубийства компьютера. В 22:00 мы передадим интервью с доктором Бакманом, утверждающим, что новейшие компьютеры социально опасны»⁴.

Таким образом, события, происходящие в рассказе Лема, можно интерпретировать как ещё одну вариацию на излюбленную фантастами тему «бунта машин против людей». Действительно, Блопп и Миллис начинают паниковать после того, как компьютер объявляет об утечке кислорода, в финале голос машины сообщает о том, что ситуация стабилизировалась, но мёртвые космонавты эту информацию по иронии судьбы уже не услышат. Во всём этом можно усмотреть злую волю робота, если бы не одно «но». Стоит проанализировать контекст, в котором появляется новость о машине-самоубийце. Несостоявшийся теракт, странный захват власти, который невозможно признать ни законным, ни незаконным и т. п. Абсурдная и пессимистическая картина, нарисованная Лемом, выглядит вполне пророческой. Перед нами самая настоящая современная информационная война. По поводу каждого события есть огромное количество версий, и установить, какой вариант наиболее объективен, не представляется возможным. То же самое наблюдается и в основной части повествования: Блопп и Миллис обвиняют друг друга в хитрости, коварстве, преступных замыслах,

⁴ Лем С. Лунная ночь. Интернет-источник: <http://www.litmir.net/br/?b=143691>. Дата обращения: 20.08.2014

но нет третьего лица, которое могло бы решить, на чьей стороне правда. Очевидно, что, когда тела астронавтов обнаружат их сменщики, в новостях появится несколько версий того, что же произошло на лунной станции. Можно сказать, что значение «бунта машины» в данном случае не принципиально.

Другая тема, которая представляется более интересной, – это отношения человека и машины. Ни Блопп, ни Миллис не пытаются самостоятельно решить проблему, исправить технические неполадки. Они целиком и полностью доверяются компьютеру, решив, что другого выхода, кроме оговорённого машиной, не существует. Помнится, в детской фантастической повести «Пленники астероида» К. Булычёва реализовывалась схожая семантическая компонента. Люди, хозяева астероида, настолько доверились роботам, что постепенно деградировали в инфантильных и бесхребетных существ. Учёные лунной станции, конечно, ещё не дошли до стадии, описанной Булычёвым, но, тем не менее, они не в состоянии усомниться или хотя бы проверить сведения, предоставленные компьютером. Вместо этого они предпочитают сомневаться друг в друге.

Подобная расстановка сил и схожий конфликт обнаруживаются в новелле Ильфа и Петрова «Граф Средиземский». Пожилой аристократ, бывший граф по фамилии Средиземский, вознамерившийся отомстить трём молодым людям, проживающим по соседству, не находит ничего лучше, чем сообщить каждому по отдельности о своём отцовстве. Каждый из троих советских граждан, ютящихся в крохотной комнате, думает, что именно он – незаконнорожденный Средиземский. Как и астронавты Лема, герои Ильфа и Петрова не сомневаются в правильности информации, которую сообщил им бывший граф. Все их помыслы отныне связаны с возможным разоблачением со стороны соседей. Из-за нелепейшей лжи Средиземского персонажами овладевает панический страх: «(...) Пружанский в перепачканных белых брюках кружил вокруг памятника Пушкину и горячо убеждал себя: – В конце концов я не виноват. Я жертва любовной авантюры представителя царского, насквозь пропитанного режима. Я не хочу быть графом. Рассказать невозможно, Талмудовский со мной просто разговаривать не станет. Интересно, как поступил бы на моём месте

Энгельс? Я погиб. Надо скрыть. Иначе невозможно. Ай-ей-ей! А что скажет Шкарлато? Втёрся, скажет, примазался»⁵. Финал произведения Ильфа и Петрова внешне вполне счастливый: соседи признаются друг другу в том, что они Средиземские, и обман раскрывается. Однако неприятный осадок, вызванный страхом, недоверием, остаётся. Соавторам так и не удалось показать идеального молодого персонажа, все подобные герои Ильфа и Петрова отмечены печатью страха, люди будущего не внушают радужных надежд, они боятся друг друга, они не доверяют своему соседу.

Пытаясь выставить друг друга на записи в дурном свете, Миллс и Блопп имитируют разные действия, то и дело перемежая их обвинениями в адрес «другого»:

«По голосам можно понять, что оба в движении – по-видимому, внимательно следят друг за другом, кружат по станции, как боксёры на ринге.

Миллс. Не приближайся ко мне! Стой на месте!

Блопп. Я не могу стоять, когда ты идёшь на меня с ножом. Мне приходится отступать.

Миллс. Ложь! Это мне приходится отступать!

Блопп. Миллс не дурак. Он понял, что разоблачил себя, раскрыв нож, потому что щелчок раздался с его стороны. Поэтому он пошёл на меня, а мне приходится отступать. Таким образом Миллс пытается затруднить определение нашего начального положения. Мы сделали полный круг.

Миллс. Врёшь! Полкруга!

Блопп. Всё та же тактика. У Миллса есть нож, а я безоружен. Поэтому я беру со стола геологический молоток (Лёгкий стук) Ну, что ты теперь выдумашь?

⁵ *Ильф И., Петров Е.* Граф Средиземский // И. Ильф, Е. Петров. Как создавался Робинзон. – М.: «Текст», 2007. – С. 362-371; 369.

Миллс. Никакого молотка на столе не было!

Блопп. Ну вот. Не было. А что я взял со стола?

Миллс. Ничего! Ты стукнул по столу костяшками пальцев! Опять ты затеял какую-то подлость!»⁶.

Установить в такой ситуации, что есть имитация, а что есть действие, невозможно. В любом случае, если имитация и имеет место быть, то это имитация вполне осознанная, которая имеет целью внушить третьему лицу подозрение по поводу оппонента. Подлинной становится лишь смерть обоих астронавтов. Получается, что имитации, если они и были, становятся бессмысленными. Страх перед Хьюстоном заставляет Блоппа и Миллса производить различные звуки и давать им противоположные по смыслу комментарии. Нужно сказать, что повествователь строит текст таким образом, что читатель может либо занять одну из сторон, либо возвыситься над схваткой, но ни одного намёка на то, кто же из двоих астронавтов преступник, мы от автора не получим. В этом решении просматривается определённый скепсис в отношении современной инфосферы: можно давать самые разные трактовки и интерпретации событий, но все они будут субъективны в той же мере, в какой субъективен ответ на вопрос, кто из двоих обитателей лунной станции злодей. Видимо, на грядущее расследование рассчитано и нелепое поведение двух чиновников в «Рассказе о «Гелиотропе»» Ильфа и Петрова. Абукиров и Женералов, сидящие в учреждении за соседними столами (больше работников в «Гелиотропе» нет), днями напролёт имитируют бурную трудовую деятельность. В конце концов, они признаются, что на самом деле им абсолютно нечем заняться на рабочем месте. Однако после принятия решения не ходить на службу Абукиров задумывается: «А что, – подумал он, – если Женералов облечен специальными полномочиями на предмет выявления бездельников и вёл со мной адскую игру?»⁷. Судя по всему, такая же мысль приходит в голову

⁶ Лем С. Лунная ночь. Интернет-источник: <http://www.litmir.net/br/?b=143691>. Дата обращения: 20.08.2014

⁷ Ильф И., Петров Е. 1001 день, или Новая Шахерезада. – М.: «Текст», 2005. – С. 147.

Женералову, и в результате оба персонажа чуть свет выходят на работу и продолжают имитировать усердный труд.

Несмотря на огромную разницу в сюжетах произведений, проведённое сопоставление позволяет сказать, что взгляд на будущее польского фантаста во многом совпадает с пессимизмом Ильфа и Петрова. Человек боится другого человека, в своём соседе, напарнике, он видит соглядатая, доносчика. Страх уродует персонажей, заставляя лицемерить, обманывать своего ближнего. Окружающий мир, контекст только способствует усилению всеобщей подозрительности. Литераторы предрекли будущее. Загляните в социальные сети, почитайте блоги, посмотрите телевизор – везде наблюдается масса информации и ещё большее количество всевозможных интерпретаций и комментариев. Самые заурядные события представляются звеньями некой цепи, в присутствии «третьего лица» каждый пытается казаться лучше, чем он есть на самом деле, выставляя в самом невыгодном свете своего соседа или товарища – лишь бы на их фоне смотреться положительным персонажем. Герои Лема покоряют космос, используют передовые технологии, Ильф и Петров приветствовали процессы модернизации в СССР, наблюдали, как строится новая страна. Но наука и техника не в состоянии изменить человека, стереть его прошлое, избавить от страха и подозрительности. И это с печальной иронией констатируют как отечественные сатирики, так и пан Станислав Лем.